

На правах рукописи

СУРАГАНОВА ЗУБАЙДА КАБИЕВНА

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБМЕН ДАРАМИ У КАЗАХОВ

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре этнологии, культурологии и археологии
Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова
Министерства образования и науки Республики Казахстан

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Артыкбаев Жамбыл Омарович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Октябрьская Ирина Вячеславовна

доктор исторических наук
Кулемзин Владислав Михайлович

Ведущая организация: **Томский политехнический университет**

Защита состоится 29 мая 2007 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета К 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г.Томск, пр.Ленина, 36, учебный корпус № 3, ауд. 44

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан 16 апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С.А. Некрылов

I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Обменные отношения в казахской традиционной культуре представляют одну из основных этноразличимых черт ментальности казахского народа.

Актуальность темы исследования. Исследования обменных отношений имеют в современной этнологии большую перспективу, поскольку именно обмен представляет собой организующее социальные контакты и отношения ядро, в рамках которого осуществляется круговорот материальных и нематериальных объектов обмена в социуме. Вместе с тем, обмен в традиционных представлениях выполнял не только роль социального инструмента, он выходил за рамки человеческого общения и охватывал гораздо более широкие горизонты в сознании человека. Обменные отношения каждого народа этнически различаются, имея вместе с тем в своей основе схожие мотивы. Обязательной составляющей казахских обрядов и ритуалов перехода является церемониальный обмен, передающий этнический колорит.

При всей значимости различных жизнеобеспечивающих традиционных институтов, основополагающая роль в их функционировании обеспечивалась, по нашему мнению, обменными отношениями в целом и институтом дарения в частности. Мы считаем, что изучение обменных отношений казахов и анализ их обусловленности обозначат глубинную мотивацию взаимосвязанных и взаимодополняющих социальных контактов, отмеченных печатью архаики. Архаические признаки еще угадываются в отношениях обмена у современных казахов. В нынешней этнографической реальности казахского народа обмен, имеющий в том числе характер товарного, замаскирован под обмен дарами, услугами и т.д. Изучение присутствующих в традиционной культуре казахов обменных отношений представляет собой важную проблему.

Обменные отношения и дарение в рамках традиционно-бытовой культуры казахского народа глубоко пронизаны особенностями этнической специфики. В современной реальности отмечается нарастающая тенденция ее исчезновения, трансформация и утрата обрядового комплекса, сопровождающего дарообмен, настоятельно требует фиксации еще бытующих архаических явлений в данной области.

В современной этнологической науке отсутствуют исследования истории казахского традиционного общества с позиции теории обмена. Между тем, теория обмена позволяет определить как исторические истоки, так и существенные моменты самой природы социальной жизни традиционного общества, поэтому целостное исследование обменных отношений является особенно актуальным.

Для этнографии важно изучение не только собственно традиции дарения, но, прежде всего, связанных с ней верований и представлений, которые относятся к числу значимых предметов этнографической науки.

Обмен, составляющий, по мнению французского этнолога М. Мосса, «одну из фундаментальных основ наших обществ»¹, в силу своего вездесущего характера остается актуальнейшей темой исследования.

Целью настоящей диссертационной работы является выявление сущностной характеристики и функций традиции дарения у казахского народа. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– изучение особенностей экономического и юридического быта в казахской тра-

---

¹ Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. – С. 87.

диционной культуре;

– выполнение лингвосемантического анализа базовых казахских терминов дарения, который позволит выявить их генетическое родство с языковыми данными более позднего времени и определить устойчивость их социального значения;

– выявление архаических религиозных представлений, лежащих в основе казахской традиции дарения и дележа;

– рассмотрение отношений между донорами и реципиентами в ритуальном обмене дарами и определение его объектов (дароприношений);

– выявление оснований и функций казахского обычая гостеприимства «конакасы»;

– рассмотрение традиционного обмена дарами в рамках брачных (обмен мужского имущества на женское), авункулатных отношений и побратимства.

Объектом исследования является казахская традиционная культура.

Предмет исследования – традиционный обмен дарами у казахов.

Степень изученности проблемы. Обмен и дарение у казахов до настоящего времени не становились предметом специального исследования.

Казахская традиция дарения неразрывно связана с понятием *ырым*. На значительную роль *ырым* в казахской действительности XIX в. обратил внимание в свое время Ч.Ч. Валиханов. Ему удалось определить основу, заключенную в понятии *ырым*, которая одновременно инвольвирует и *кие* (священную силу), и *құт* (благополучие, счастье), и *кеср* (зло). *Кие* – это сакральная сила, заключенная в природных стихиях, живом и предметах. Использование предметов, обладающих *кие*, в обрядах, согласно народным верованиям, позволяло получить квинтэссенцию *құт* (заключающую в себе идею счастья, соединенного с богатством), а неисполнение обрядов наказывалось: *кие* трансформировалось в зло *кеср* – карательную силу всего, что обладало *кие*.¹

Традиция дарения в той или иной мере нашла отражение в ряде работ, посвященных традиционной казахской экономике, социальным отношениям. Интересные данные и положения по рассматриваемой проблеме присутствует в трудах А.Х. Маргулана,

С.З. Зиманова, А.Т. Толеубаева, С.Л. Фукса, Д.Х. Кармышевой, Н. Алимбая, Н.Ж.Шахановой, Ж.О. Артыкбаева, Ш.Ж. Тохтабаевой, С. Кенжеахметова, Ж.Т. Ерназарова, Е.М. Смагулова. Дарообмен в брачных отношениях казахов рассматривался в трудах А.Х. Маргулана, Н.А. Кислякова, Х.А. Аргынбаева, Н.П. Лобачевой, А.П. Жакиповой, С.Л. Фукса, А.Т. Толеубаева, С. Кенжеахметова. Ж.Т. Ерназаров уделил внимание актам дарения в качестве этнознаковой составляющей в рамках семейной обрядности традиционной культуры казахов.

Данные о традиции дарения у тюрко-монгольских народов приводятся в серии коллективных монографий по традиционному мировоззрению тюрков Южной Сибири,² в работах Н.Л. Жуковской. Н.Л.Жуковской была отмечена неоднородность ком-

¹ Валиханов Ч. Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. – С. 166-167.

² Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1989. – С.243., Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. – С. 243.

муникативного действия подарок-отдарок в разных этнокультурных системах.¹

Об обмене и дарении, функционирующих в рамках традиционных институтов, упоминается в последних работах казахстанских историков и этнографов. Среди них можно особо выделить сборник статей «Обычаи и обряды в прошлом и настоящем», изданный в 2001 году.²

Проблема дарения и дарообмена в культуре разных народов нашла отражение в ряде исследований ученых СССР второй половины XX в. В их числе работы Ю.П. Аверкиевой, В.К. Гарданова, А.Я. Гуревича, В.В. Иванова, В.М. Крюкова, Э.Я. Рикмана, И.Я. Фроянова и др. Этнографы, историки и филологи рассматривали значение дара, жертвоприношений, пиров и т.п. в качестве формообразующих элементов обмена, присущих различным общественным системам и историческим периодам.

В рамках медиевистики особое место занимают труды советского историка А.Я. Гуревича, исследовавшего значение богатства и роль дарений в раннесредневековых западноевропейских культурах. Ученый одним из первых в советской исторической науке 1980-х гг. прошлого столетия стал ратовать за комплексное исследование человека, природы его поведения, «всех конкретных проявлений сущности человека как социального микрокосма».³ Основываясь на теоретические положения М. Мосса и Е. Бенвениста, А.Я. Гуревич пришел к заключению о широком распространении таких явлений, как обмен и дарение в жизни раннесредневековых европейцев. Особое место занимают в исследованиях ученого проблемы дара, его магической значимости, социальной роли у скандинавских народов.⁴

Рассмотрению дара в качестве жертвоприношения в календарной обрядности посвятил свое исследование Э.Я. Рикман.⁵ Изучению древнерусских форм обмена посвящены публикации В.В. Иванова⁶ и И.Я. Фроянова⁷. В диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.М. Крюков исследовал социально-экономические и ритуальные аспекты системы дарений в Китае эпохи Чжоу.⁸

В советской этнографической традиции под обменом подразумевали обмен

---

¹ Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я.Владимирцова. М., 1986. С.160-168.

² Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сб. статей. Ин-т истории и этнологии им.Ч.Ч.Валиханова. Алматы., 2001. С. 428 с.

³ Гуревич А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // *Вестник АН СССР*. – 1989. – № 7. – С. 71-78.

⁴ Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье // *Средние века*. Сборник АН СССР Ин-т истории. Вып.31. М, 1968. – С. 180-198., Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. – 224 с.

⁵ Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев*. М., 1983. – С. 173-185.

⁶ Иванов В.В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов / АН СССР Ин-т славяноведения и балканистики*. М., 1975. – С. 50-78.

⁷ Фроянов И.Я. Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // *СЭ*. – 1976. – № 6. – С.39-46.

⁸ Крюков В.М. Социально-экономические и ритуальные аспекты системы дарений в Древнем Китае : Диссер. ... канд. ист. наук. М., 1987. – 226 с.

экономический, немой обмен, неэквивалентный, церемониальный, эквивалентный.¹

Источниковая база настоящего исследования основана на широком круге источников, которые условно можно поделить на четыре группы.

Первая группа представлена древнетюркскими руническими текстами, сочинениями М. Кашгари, Ю. Баласагуни, сведения из которых параллельно сверялись с «Собранием сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» русского синоведа Н.Я. Бичурина, поскольку обменные отношения и институт дарения казахов исторически восходят к аналогичным институтам, функционировавшим в общественной жизни древних кочевников, и тюрков в том числе. Согласно данным Н.Я. Бичурина, почерпнутым из древних китайских источников, среди кочевников восточной части Великой Евразийской степи обмен присутствовал как в брачных отношениях самих кочевников, так и в качестве политического инструмента в отношениях между Китаем и кочевниками.²

Вторую группу составляет фольклорный материал: казахские пословицы, бытовавшие в XIX в., сказания и легенды, эпические произведения цикла «Батырлар жыры». В трудах Ч.Ч. Валиханова, Л.Я. Баллюзек, И. Алтынсарина, Б.Залесского, П.Е. Маковецкого, Н.И. Гродекова, Абая, А. Диваева, М.С. Муқанова приводятся казахские народные сказания, пословицы, свидетельствующие о характере обменных отношений среди казахов. Предания об Алаше, Кыдыре, некоторые пословичные выражения не утратили своей актуальности и бытуют среди казахов до сих пор.

Если использование фольклорных текстов отражает ситуацию в «идеале», то ее реалистичность может быть почерпнута из документальных источников XIX-XX вв., образующих третью группу источников, куда включены документы и этнографические труды русской колониальной администрации. Документы и сочинения чиновников государственной администрации России оказали существенную помощь в выяснении места и роли обмена дарами в традиционной казахской культуре. К числу наиболее крупных из них относятся материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии (1846), д'Андре (1846), Л.Ф. Баллюзек, И.А. Козловым (1882), П.Е. Маковецким (1886), Н.И. Гродековым (1889). В целом, результаты изучения юридического быта «инородцев» создавали предпосылки для включения традиционных правовых институтов в систему колониального управления.

С конца XIX в. исследования в данной области становятся более интенсивными. Русские исследователи считают необходимым проведение комплексного изучения традиционной культуры казахов. К их числу относятся исследования некоего П., (1878), А.И. Добромыслова (1904), А.Н. Максимова (1902), Н.Малышева (1902), А.И. Мякутина (1910), Л.А. Словохотова (1905). В начале XX в. богатые полевые материалы по казахским свадебным и поминальным обычаям были собраны

---

¹ Свод этнографических понятий и терминов : Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.,1986. – 239 с.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Алматы., 1998. Т.1. С.237., Там же. Т.2. С.220.

А.Ф. Фиельstrupом.¹

Таким образом, русские документальные, этнографические и исторические источники XIX-XX вв., зафиксировавшие наличие в рамках обрядово-ритуальной практики казахов дарение и обмен, позволяют нам сделать заключение о функционировании института особых социальных контактов, основным содержанием которого являлись взаимный обмен и одаривание. Вместе с тем, в приведенных источниках нашли отражение трансформационные процессы, происходившие в течение всего XIX в. Они демонстрируют динамику изменения самой цели существования данного института.

И, наконец, четвертую группу источников составляют полевые материалы автора. В ходе индивидуальных полевых исследований по северному и центральному Казахстану (Акмолинская, Карагандинская, Кокчетавская области, г. Астана) в течение 2000-2006 гг. автор, применяя методы глубинного формализованного интервьюирования с ключевыми информаторами (люди старше 60-ти лет), включенного наблюдения, собрал материал о современном состоянии отношений дарообмена у казахов.

Методологическая и теоретическая основа работы опирается на комплексный междисциплинарный подход. Основные методологические положения могут быть сведены к следующему.

Константность в сохранении традиционных форм обмена и дарения в казахском обществе объясняется ментальными установками народа, принимавшего за основу общежития общества солидарность, коллективизм и взаимобязательность его членов, что вызвало необходимость обратиться к методу пережитков. Данный метод исследования был предложен сначала русским историком и этнографом К.Д. Кавелиным, позднее он был сформулирован Э. Тэйлором. Из трех значений пережитков, выделенных Э. Тэйлором, первое включало «неизменившиеся остатки».² Но наиболее приемлемой для нас является формулировка А. Гольденвейзера, понимавшего под пережитком «признак культуры, который не вписан в свое культурное окружение. Он не функционирует в культуре, а сохраняется, или же его функция каким-то образом находится в дисгармонии с окружающей культурой».³ В некоторой степени мы также солидарны с Э. Краулем, считавшим ошибочным мнение о «пережитках» или «остатках» первобытного мышления и первобытных обычаев в цивилизованные периоды как о мертвых, рудиментарных формах, поскольку они содержат в себе идеи «вечно проистекающие» из одних и тех же функциональных обстоятельств.⁴ Данный метод будет применен по отношению к казахским обычаям-ырым и ментальной лексике, в основании которых, возможно, скрыта причина устойчивости традиции дарения и ее функций.

Наличие широкого спектра терминов обмена и дарения потребовало применения лингвосемантического метода. Значимость лингвистической науки для нас такова, что языковые данные до момента получения полных данных являются основным

¹ Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. – 300 с.

² Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. – 239 с.

³ Цит. по кн.: Малиновский Б. Научная теория культуры. М. 2000. С.37.

⁴ Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. Спб., 1905. – С.4.

доказательством для этнолога. Использование данного метода позволит очертить границы семантического поля казахских терминов обмена и дарения и, следовательно, подойти к вопросу генезиса не только самих значений, но и традиции дарения у казахов.

Сравнительно-исторический метод при рассмотрении отношений обмена и дарения обнаруживает универсальное – известное во всем мире, общее для тюркского мира и частное, свойственное только для традиционной культуры казахского народа.

Применение принципа историзма поможет проследить динамику обменных отношений в казахской традиционной культуре.

Использование метода индукции даст возможность при рассмотрении частных явлений в обменных отношениях прийти к выводам общего порядка по данной проблеме.

Поиск исходной мотивации традиции дарения привел нас к функциональному методу, который позволит выделить ее генеральную функцию.

Автор убежден, для обнаружения экономической и социальной граней обмена и латентных сторон, отражающих основную этническую специфику обменных отношений казахов, необходимо применить комплексный междисциплинарный подход. Традиция дарения и тесно связанная с ней обрядовая практика казахов не рассматривались с точки зрения теории обмена, и поэтому имеет смысл исследовать данный институт, оперируя приемами данной концепции.

В теоретической части настоящей работы автор опирается на ряд постулатов теоретиков концепции обмена, в практической же части – на труды современных авторов.

Концепция обмена составляет на сегодня пласт научных воззрений, отличающихся многообразием и незавершенностью, что позволяет исследователям вновь и вновь обращаться к ней.

Становление теории дарообмена (начало XX в.) связано с именами ведущих западноевропейских социальных антропологов. Именно им принадлежит пальма первенства в разработке данной проблемы и ее исторически первой формы – дарообмена. Родоначальником в данной области признан Д.Д. Фрэнкел, который указал на важное место умиловивлений дарами сверхъестественных сил в магических ритуалах. Позднее разработку проблемы обмена блестяще продолжили Б.К. Малиновский, А. ван Геннеп и М. Мосс, К. Леви-Строс. Благодаря их трудам было положено начало изучению жизни первобытных и традиционных обществ с точки зрения продолжительного во времени и универсального обмена материальными и нематериальными ценностями.

Ученик Д. Фрэнкела, Б.К. Малиновский показал, что обмен дарами не тождественен материальному обмену: обмен не ведет к увеличению богатства, в качестве мотивации обмена выступают не экономические, а социально-психологические потребности индивида в социальной интеграции и солидарности.

Видное место в ряду других известных ученых, занимавшихся рассматриваемой проблемой, бесспорно, принадлежит выдающемуся представителю французской социологической школы М. Моссу. В своем «Очерке о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах», М. Мосс дал базовое пояснение основному

содержанию дарообмена. С появлением «Очерка о даре» М. Мосса проблема дара заняла прочное и достойное место в этнологической литературе. М. Мосс утверждает, что в архаических и традиционных обществах «связь посредством вещей – это связь душ, так как сама вещь обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь – это подарить нечто от своего «Я».¹ Данный постулат М. Мосса является для нас фундаментальным тезисом, который мы попытаемся в настоящей работе обосновать.

Обмену как социально-магическому явлению уделил также большое внимание Э. Краулей. Широкая распространенность во времени и пространстве обмена позволила Э. Краулею признать его в качестве универсальной модели человеческих взаимоотношений. Он утверждает, что «узы крови» или «стремление к обществу» присущи не только первобытному человеку, но и среднему человеку XIX в. Причем, такая солидарность реализуется в обмене, когда каждая из сторон «отдает себя» другому в самом реальном смысле.²

Благодаря исследованиям названных ученых было положено начало изучению обмена, выполнявшего важную роль регулятора социальных взаимоотношений на разных таксономических уровнях, неперенного элемента престижной экономики и общественной жизни архаических и традиционных обществ.

Научная новизна исследования. Разработка общих проблем социально-экономической истории казахов имеет в настоящее время достаточную историографию. В рамках данной проблематики нашли освещение некоторые вопросы общественно-экономической истории казахского народа.

Вместе с тем, специальные исследования, посвященные обменным отношениям в целом и институту дарения в частности, в казахстанской этнологии отсутствуют. Данная диссертационная работа представляет собой первый опыт системного комплексного исследования обмена и дарения в традиционной культуре казахов.

Научно-практическая значимость настоящего исследования имеет как теоретический (историко-этнологический), так и практический аспекты. Первый аспект состоит в возможности использования положений и выводов настоящего исследования при создании обобщающих работ по этнологии, этнографии казахского народа, этнопсихологии, соционормативной культуре, этносоциологии, разработке специальных курсов по социальной, экономической и правовой истории для высших учебных заведений. Практическая значимость работы состоит в выявлении сугубо этнической специфики обмена, что имеет важное значение для понимания особенностей менталитета казахского народа. К числу практических задач относится проблема определения круга мер, поощряющих возрождение положительных народных обычаев, традиций и культурных ценностей, на основе которых и функционируют рассматриваемые отношения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Генеральная функция дарообмена в традиционном казахском обществе имеет латентный характер – устранение отчуждения, нейтрализация враждебности, доступ к

---

¹ Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. – С. 100.

² Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. Спб., 1905. – С.236.

установлению новых социальных контактов.

2. Основным содержанием дарообмена является симпатическая магия, которая в казахской традиционной культуре имеет свой специфический механизм – обычай *ырым*.

3. Дар в традиционном обмене у казахов полисемантичен; он может выступать в форме:

- умиловительной, благодарственной жертвы донора с целью заручиться поддержкой реципиента;
- подношения донора в знак уважения и признания заслуг реципиента;
- «открывающего дара» с целью начать обмен с представляющим интерес субъектом;
- дара, посредством которого домогаются от дара;
- подарков, которыми обмениваются гости;
- доли, полученной в различного рода раздачах и дележах;
- подарка, инволювирующего одновременно апотропейную и маркирующую составляющие и преподносимого в рамках с ритуала перехода.

4. Базовая терминология дарения в казахской культуре имеет как древние индоевропейские, так и тюркские корни.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников, литературы и списка информаторов.

Апробация результатов исследования. Отдельные выводы и теоретические положения настоящей работы были представлены в виде докладов на трех международных научно-практических конференциях: «Г.Н. Потанин – ученый, путешественник, общественный деятель: Российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии казахов» («Русские документальные и этнографические источники XIX века о дарении у казахов», Павлодар, 2005), «Историк и история: тернистый путь казахстанской исторической науки», посвященной 90-летию Е. Бекмаханова. Павлодар («Проблема дара в социальной антропологии», Павлодар, 2005), «Валихановские чтения - 11» («О казахском обычае гостеприимства «конакасы»», Кокшетау, 2006).

Публикации результатов исследования. Положения настоящей диссертационной работы нашли отражение в статьях, опубликованных в казахстанских и российском научных изданиях (7 статей, общим объемом 3,1 п.л).

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность темы, объект, предмет, поставлены цель и задачи исследования, показана степень изученности проблемы и источниковая база, определена методология, раскрыты научная новизна и практическая значимость работы, а также обозначены основные положения диссертации, выносимые на защиту.

Первая глава «Происхождение и функционирование обмена дарами в казахской традиционной культуре» посвящена исследованию особенностей экономического и юридического быта казахов, рассмотрению базовых терминов дарения и определению роли обычая-*ырым* в традиции дарения и дележа.

1.1. Особенности экономического и юридического быта в казахской традиционной культуре. Собственность в традиционной культуре – это совокупность природного и культурного, имевшая несколько форм. Из них отчуждению могла быть подвергнута только *ограниченная* форма собственности, которая составляла переменную единицу всей собственности.¹ Имея характер постоянно отчуждаемой, обменной, *ограниченная* собственность находилась в движении, не только обеспечивая круговорот материальных ценностей, но играя роль медиатора в социальной жизни общества в целом. В зависимости от форм обмена *ограниченная* собственность меняла свое значение. Она выступала то в качестве социального регулятора, то решала более значимые для социума – магические и ритуальные – задачи. *Личная* собственность, наоборот, никогда не отчуждалась, она представляла постоянную величину, поскольку существовали архаические представления о том, что собственность, находящаяся в постоянном соприкосновении с хозяином, не может быть отчуждена.

Отчуждение у казахов осуществлялось в рамках ритуалов, которые являлись неприменимыми элементами обменных отношений и дарения, поэтому отчуждение принимало характер церемониального. Обменные отношения обозначались термином *алыс-беріс* (взять-дать), сходным по содержанию с латинским *do ut des* (даю, чтобы и ты мне дал). Данное значение говорит об эквивалентном характере отношений дарообмена у казахов, которые, по всей видимости, имели форму реципрокции.

Традиционной культуре был присущ «накопительский», социальный характер. Такое отношение было продиктовано представлениями о том, что скопивший большое состояние человек обретал, согласно традиционным верованиям, некое средство, сохраняющее и приумножающее удачливость, счастье и, разумеется, богатство. Индивид, однажды получив богатство, в соответствии с традиционными представлениями, обретал благосклонность Высших сил. И только его щедрость может способствовать новым Ниспосланиям свыше. Такое «притягивание» было связано с понятием *құт*. Раздача полученного от Высших сил – вот в чем обязанность щедрого. Раздача пищи на пирах, предметов, вещей на бесплатной основе приобретала характер жертвы, у казахов она называлась *шүлен тарату, шүлен*; а индивид, производящий раздачу – *шүленгір*.

В сознании народа богатство одного человека требовало перераспределения среди коллектива, а сама раздача богатства приобретала форму редистрибуции.

Скот являлся основным объектом обменных отношений у казахов, поскольку в понимании казахского народа составлял особую ценность, отчуждение которой могло быть реализовано только в виде обмена и дарения. Такое предпочтение основывалось на представлениях о целостности человеческого и природного миров.

У казахов существовали особые, юридические отношения, сущность которых сводилась к обязанности давать и праву получать подарки. Источники XIX в. свидетельствуют, что в жизни казахского народа дарение имело широкое распространение: каждый торжественный повод сопровождался обязательными

---

¹ Фромм Э. Иметь или Быть? М., 1986. – С.96.

дарами.¹ Обычное право закрепляло обменные отношения как правовую данность.² Дарообмен осуществлялся, в основном, между взрослыми мужчинами, имевшими свой надел – *енші*.

Рассмотрение особенностей экономического и юридического быта казахского традиционного общества позволяет нам говорить о том, что собственность в традиционной культуре налагает определенные этические обязательства на владельца, переступить через которые он зачастую не вправе. Как обладатель определенного состояния, он становится непосредственным участником социальных контактов. Часть собственности, за исключением необходимого минимума, добровольно отчуждается и становится объектом непрерывного обмена. Указанные выше правовые реалии красноречиво говорят о функционировании в казахском традиционном обществе идеи «перемешивания сущностей/душ» в перемещаемых вещах: вещи обменивающихся субъектов являются их культурными аналогами.

У казахов действовали юридические отношения, сущность которых сводилась к праву давать и праву получать подарки. Отчуждение богатства способствовало приобретению и повышению общественного престижа и уважения, кроме того, всякого рода раздачи могли принести гораздо больше дивидендов, чем его хранение и накопление. Дарение у казахов играло роль одного из важнейших рычагов сосуществования, обеспечивавшего управление обществом.

Особенности экономического и юридического быта в казахской традиционной культуре исходили, по мнению автора, из области верований и представлений.

1.2. Этимология и семантика базовых казахских терминов дарения. Высокая лексическая стабильность казахских терминов, связанных с традицией дарения позволила нам сделать их лингвосемантический анализ.

Основными казахскими терминами в значении «дар» являются *тарту*, *беру*, *бағыштау*, *сый* и их производные.

Основу казахского термина *тарту*, на наш взгляд, составляет древнеуйгурский **tar**. Существует значительная литература, в которой высказаны четыре мнения о происхождении этого термина, в том числе – дотюркское.³ Дотюркская версия основывалась, возможно, на глаголе **dār** из восточнореднеперсидского диалекта (согдийский, хорезмийский) означавшем «иметь»,⁴ схожим с греческим **dōron**, армянским **tur**, славянским **daru**, от единого древнеиндоевропейского корня – **do-**.⁵

Казахская глагольная форма *беру* «давать» требует разъяснения, поскольку в древнетюркском языке **ber** означал «дарить», «давать», «вручать», «даровать», а **bergu** – «дар».⁶ Современный казахский тюрколог Н. Базылхан также переводит тер-

¹ Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. – Ч. I. – Вып. I. – С.44.,

² Мякутин А.И. Юридический быт киргизов. Оренбург, 1910. – С.93.

³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., Наука, 1974. – С. 152.

⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974. – С. 201.

⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. – С. 62.

⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969. – С.95.

мин **ber** как «дающий», «дарующий».¹ Положения, разработанные Э. Бенвенистом, позволяют нам усомниться в тюркском происхождении данного термина. Основываясь на его исследованиях, мы можем предположить, что исходной матрицей древнетюркского **ber**, скорее всего, являются **barō**, **bara** - с авест. «приносить»,² связанные с жертвоприношением.

Термины *тарту*, *багыштау*, *беру*, по всей видимости, являются дериватами согдийского (**dār** «иметь», **byš** «дарить, наделять»³), авестийского языков (**barō**, **bara** «приносить») и проникли в тюркский язык во время активных продвижений тюркских народов на Запад. Здесь уместно следующее замечание Ф. Соссюра: «Язык *изменяется*, всегда только *изменяется*, но никогда не происходит возникновения или создания новой языковой данности, которая в своем существовании отличалась бы от того, что ей предшествует, и от того, что за ней следует».⁴

Словосочетание *сый беру* в казахском языке переводится как «давать подарок», «одаривать подарком». Казахский термин *сый* как нельзя лучше проясняет социальную природу дарения у казахов. Примечательно, что глагол *сыю* в переводе с казахского означает «влезть», «вместиться», «внедриться». *Сый* означает оказание особого почтения, уважения, почестей, чествований, а также преподнесение в различных ситуациях и обстоятельствах подарков, предназначенной кому-либо доли. Казахская пословица *Сыйга – сый, сырага – бал* «На уважение – уважением, на пиво – медом» передает всю суть общественных отношений обмена дарами, услугами и т.п., основанных на взаимном уважении у казахов. Добром – на добро, уважением – на уважение, почтением – на почтение, на дар – большим отдаром – эти близкие по сути отношения переданы в «Речах Высокого», одной из песен древнескандинавской «Эдды».

Термин *сый* не зафиксирован в Древнетюркском словаре, но его присутствие в хакасском языке *сый*, *сыйых*, *сыйлых*⁵ в значении «подарок» дает нам основание сделать вывод о его тюркском происхождении.

Фонетика казахских терминов, их значение как социальных актов дарения позволила проследить их генезис, что, в свою очередь, дало возможность определить степень трансформации их архаической семантики. В значении «подарок», «дарить» в современном казахском языке выступают слова *жол* (букв. «дорога») и *атау* (букв. «назвать»), которые также обслуживают церемониальное дарение.

Анализ базовых терминов дарения (*тарту*, *сый*, *беру*, *багыштау*) привел нас к следующему. Во-первых, казахские термины дарения имеют генетическое родство как с древним индоевропейским, так и с тюркскими языками. Во-вторых, термины трансформировались, однако при этом они сохранили и фонетическое звучание, и палеосемантику, что свидетельствует об устойчивости древних лексических форм, об-

¹Базылхан Н. Моңғолияның Баян-Өлгий аймағындағы көне түрік бітіктердің жаңаша оқылуы // Отан тарихы. 2003. – № 2 – 3. – С. 96.

²Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. – С.247.

³Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. – С.793.

⁴Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. – С.47.

⁵Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. – 2002. – С. 127.

служивающих отношения дарообмена.

Во второй и третьей главах автор продолжает рассматривать этимологию и семантику терминов дарения, обслуживающих ритуальный (*май, бәйге, тасаттық*) и брачный обмен дарами (*сүт ақы, көкек жолы, қалың мал*).

1.3. Роль *ырым* в дарообмене казахов. Традиционные обменные отношения, дарение выступают как дань постоянству древней традиции, имеющей в своей основе социально-магический характер, который отчетливо обнаруживается при рассмотрении обычаев *ырым*.

Термин *ырым*, по мнению тюркологов, является производным древнетюркского **yrq*, означавшего «предсказание, пророчество, гадание».¹ Понятие *угут* (уг + афф.– (а)т) в современном словоупотреблении киргизского, башкирского народов применяется в значениях «поверье, примета, предзнаменование», «средство (лечебное)», «предрассудки, суеверия». В казахском языке *угут* сохранилось в значении «поверье, примета, предзнаменование», его производный *ырым-сырым* означает в том числе подарки, связанные с ритуалом, обычаем и традицией.

Казахи о себе говорят *қазақтар ырымшыл халық* («казахи – народ, верящий в приметы, предзнаменования, почитающий обычай предков»). Почитание обычаев *ырым* выражается в их частой повторяемости как в повседневной жизни, так и во время празднеств и ритуалов. Такая высокая степень присутствия говорит о роли *ырым* в жизни казахского народа.

Под *ырым* мы понимаем собственно сам магический процесс, в ходе которого происходит сепарация части *кие* из *киелі* сакральной стихии, живого, предмета в *құт* – вот главная цель исполнения *ырым*. Неисполнение же *ырым* оборачивалось выделением из этих же самых священных объектов зла (*кеср*), поскольку *ырым* обладает рядом с позитивной силой (*кие*) также негативной (*кеср*).

С *ырым* у казахов связаны представления о трансляции качественных характеристик человека/предмета/живого. Рассмотрение казахских обычаев *киім алу, слекей алу*, обряда обведения дают основание говорить о преобладании в них контагиозной магии, стимулирующей обменные отношения. Особенно рельефно выделяется контагиозная магия в дележе в казахских обычаях: *хан талау* (расхват ханского имущества), давать *жыртис* (раздача ткани, от слова *жырту* «разрывать»), давать *сарқыт* (раздача остатков угощения с пиршественного стола). К исследованию дележа мы обратились в связи с тем, что полученная в раздачах доля рассматривалась у казахов как подарок. Каждая такая доля в разных дележах и раздачах имеет свое название.

На вербальном уровне в рамках ментальной лексики у казахов бытуют устойчивые словосочетания. Выражение *жұғысты болсын* (букв. «пусть пристанет, прилипнет»), генетически связанное с древнетюркским *жуқды* «прилипло»,¹ а также глаголами *тию* (прикоснуться), *алу* (взять, принять), свидетельствует о вере казахов в магию.

Многочисленные поводы для дарения, дележ подарков – все говорит в пользу

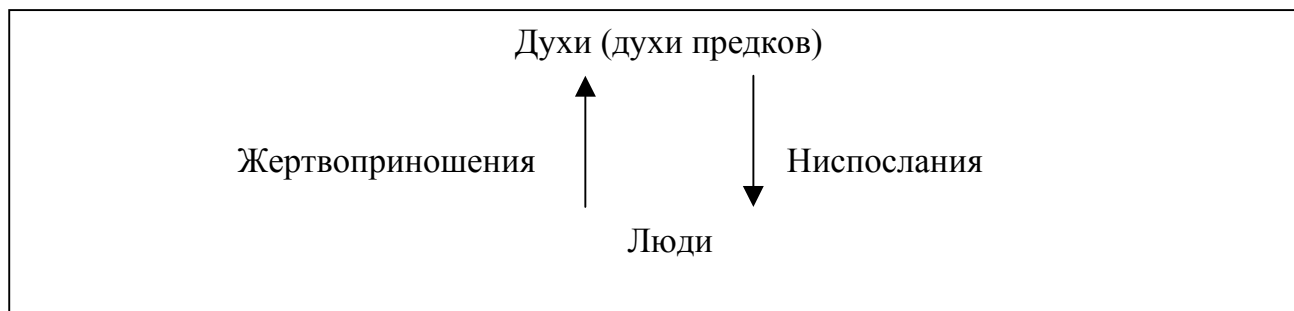
¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. – С.613.

наличия в общественных отношениях казахов архаических пережитков эпохи родового общежития и общности собственности.

Архаичность семантики основных глагольных форм казахского языка в значении «дарить», обычаи-ырым свидетельствуют о древности отношений обмена дарами. Сохранение социальных институтов предусматривает и сохранение всего комплекса их функций. Сохранение обычаев-ырым дало нам возможность его реконструировать. Под *ырым* мы обнаружили целую область представлений, связанную с симпатической магией. Существующие сегодня обычаи *тойбастар*, *қалта ашар* лишней раз доказывают устойчивость веры в магию приобщения у казахов.

Во второй главе «Ритуальный обмен дарами: Жертвоприношение – Ниспослание» рассматривается ритуальный обмен дарами в виде Жертвоприношения и Ниспослания и определяются объекты данного обмена.

2.1. Доноры и реципиенты. Налаживание прочной связи между умершими и живыми осуществлялось путем принесения Жертвоприношений и ожидания Ниспосланий. В проведенном анализе автор использовал предложенные, в свое время, В.М. Крюковым² термины «Ниспослание», «донор», «реципиент» и схему.

Термин «донор», производный от латинского **donare** «дарить, жертвовать», в нашем исследовании означает «субъект обмена», «даритель».

Существование у казахов временной вертикали между бытием и инобытием свидетельствует о выделении традиционным сознанием духов предков в особый возрастной класс социума, следовательно, мир живых и мир мертвых составляли, по всей видимости, части всеобъемлющего иерархизированного универсума.³ Такая форма отношений может быть определена как вертикальный тип.

Согласно классификации Н.Ж. Шахановой, субъектами Жертвоприношений у казахов на рубеже XIX-XX вв. являлись духи предков (*аруақ*), духи, мусульманские святые и Аллах.⁴ Обилие объектов поклонения говорит о том, что в традиционных верованиях они объединялись в один страт – духов предков, который, в свою очередь,

¹ Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі: (Диуани лұғат–ит–түрік). Алматы, 1998. – Т. 3. – С.88.

² Крюков В.М. Социально-экономические и ритуальные аспекты системы дарений в Древнем Китае : Автореф. диссер. ... канд. ист. наук. М., 1987. – 16 с.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М.,1989. – С.93.

⁴ Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы, 1998. – С.137.

априори содержал два культа – тотемистический и анимистический. Облик святых, имеющих сходство с животными, их сверхспособности и покровительство людям, а также особое отношение казахов к животным еще раз подтверждает присутствие в представлениях казахов тотемизма и анимизма. Таким образом, донорами и реципиентами Ниспосланий у казахов выступали духи предков, вобравшие в себя содержание более ранних тотемистических представлений. Донорами жертвоприношений и реципиентами Ниспосланий выступают люди.

Вера в предков, бога (*аруақ-құдайға сыйыну/табыну*), ожидание с их стороны поддержки имели устойчивую форму среди казахов, несмотря на большие материальные издержки, связанные с этим. Выказывание почтения перед предками, принесение им даров (*сый тұтын*) были связаны с верой в то, что они всегда прикрывают, упорядочивают жизнь живых (*желеп-жебен*). Поддержание связей с умершими было жизненно необходимо для живых, поскольку члены традиционного социума строили свои взаимоотношения с миром, проецируя их на временную ось.

Сохранение традиции поминальных Жертвоприношений на седьмой, сороковой день, через один год, три года, десять лет и, наконец, через тридцать лет¹ актуально и сегодня. При опросе информаторов о цели данных мероприятий по прошествии значительного периода времени они отвечают следующее: «Чтобы пребывающие в могилах озарились» (*қабырда нұрланып жату үшін*), «для обеспечения пребывания их душ в раю» (*жаны жәннәтта болу үшін*), «чтобы аруахи умиловителенные и озаренные пребывали перед Аллахом» (*алланың алдында мархабаттанып нұрлы жату үшін*). Такое объяснение говорит о том, что задача умиловителения умерших по-прежнему актуальна и, соответственно, ожидание Ниспослания от них до сих пор значимо.

Мы присоединяемся к мнению Ч.Ч. Валиханова, который подчеркивал, что обилие поводов для жертвоприношений у казахов не имеет ничего общего с нормами ислама, вместе с тем, арабские названия жертвоприношений *курбандык* и *саадака*, по его мнению, некоторым образом смягчали их языческое значение.² Во второй половине XIX в. о религиозности казахов писали следующее: «Будучи плохими мусульманами, киргизы часто нарушают присягу принятую чрез муллу, по алкорану, и вернее сохраняют клятвы по сохранившимся изстари обычаям».³ Архаические культы предков, святых, поклонения природным объектам имели глубокие мировоззренческие корни, тогда как от ислама воспринимался лишь внешний антураж, что дало основание для следующего заключения: у казахов «превалировала обрядовая сторона по сравнению с религиозной».¹

Религиозная обрядность казахов действительно связана, прежде всего, с исламом в сочетании с архаическими включениями доисламских верований и представлений. Миропонимание современных казахов представляет синтез архаических языческих верований и поверхностные, в большей мере, знания об исламе. То же самое говорит

¹ Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. – С.136.

² Валиханов Ч. Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. – С. 154.

³ Нисченков А. Киргизская степь и ее обитатели // Всемирная иллюстрация. – 1869. – № 41. – С.229.

Ш.К. Ахметова о казахах Западной Сибири.² Мусульманские молитвы на арабском языке сопутствуют у казахов всем поминальным ритуалам.

<i>Олген адам тіріден</i>	Умерший человек от живых
<i>Дұға үміт етеді</i>	Ожидает молитву
<i>Әрбір жұма күндерде</i>	В каждый пятничный день
<i>Үйіне келіп кетеді.</i>	Он приходит в свой дом.

Строки из завещания (*тағзия*), написанного в стихотворной форме и оставленного своим детям Аубакиром Шаловым (1881-1965), хорошо иллюстрируют значение и роль ислама в мировоззрении современных казахов. Старики считают, что в четверг и пятницу *аруахи* посещают дома своих потомков (*үрім-бұтағын аралайды*) в надежде получить молитву от них.

Остаточные и отрывочные данные об олицетворении Природы, ее стихий красноречиво свидетельствуют в пользу существования в мировоззрении казахов представлений о неразличимости природного и социального миров. Такая неразличимость в остаточном виде обнаруживается в богатырском казахском эпосе, где покровители главных героев (*Баба түкті шашты Әзіз әулие* - букв. «Дед (Прадед, Предок) мохнатый, Волосатый Азиз, святой» и его вариации) выступают одновременно в качестве духов предков (*аруақ*), святого (*әулие*), посредников между Создателем и людьми и изображаются в качестве Всесильных существ с чертами животных, способных к трансформации.

У казахов духи предков могли предстать перед своими потомками в виде животного, то есть в поздних воззрениях анимистический и тотемистический культы наложились один на другой и тотем слился с духом предка.

Животные-тотемы выступали в архаических представлениях в качестве перво-предков, патронов и лишь позже они трансформировались в жертв. Акт принесения тотема в жертву восходил в древнейшей форме теофагии и представлял собой магическое инкорпорирование – архаическую форму обладания, захвата сущности божества, благодаря которому принявшие участие в ритуальной трапезе его поедания обретали часть его сущности, благодати – всего, что данное животное символизировало. Символическое инкорпорирование у казахов сводилось к коллективным ритуальным трапезам из жертвенных животных. Именно поэтому пища в традиционной культуре казахов рассматривалась как божья благодать и с ней тесно связаны понятия «счастье», «изобилие» и «благополучие».

2.2. Объекты ритуального дарообмена. Архаический характер объектов Жертвоприношений также свидетельствует об устойчивости доисламских представлений. В качестве объекта (жертвы) ритуального обмена в традиционной культуре казахов выступали животные с особыми отметинами, конные скачки, продукты животноводства и земледелия, пища, драгоценные металлы, деньги, вещи, одежда и т. д. Живот-

¹ Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы., 1995. – С.199.

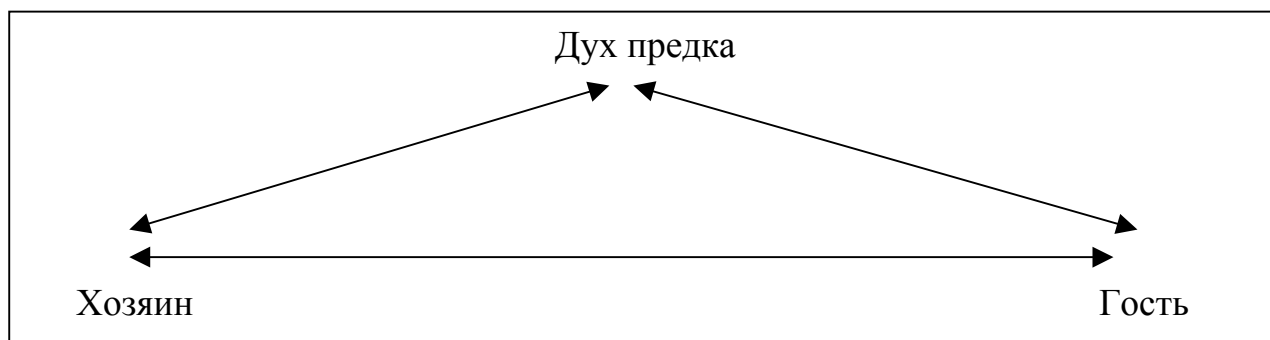
² Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск., 2002. – С.68.

ные с особыми отметинами, производители серой и белой масти, производители появившиеся на свет двойней, первенцы в стаде (*малбасы*) выступали в представлениях казахов олицетворениями *құт* (счастье и богатство). Серая масть животных, приносимых в жертву, свидетельствует об остаточных представлениях, восходящих к древнетюркскому культу неба. Творя Жертвоприношения, люди делились самым драгоценным – своим *құт* и в качестве Ниспослания ожидали получение или домогались *құт* Высших сил. В архаической культуре представлялось, что их *құт* имел неизмеримо и качественно более совершенный уровень.

Дары (объекты) в ритуальном обмене имеют ряд особенностей. Они выступают в умиловительной, благодарственной и принудительной формах. Из жертв преобладал скот, имеющий особое качество – *құт*. Предназначенность такой жертвы была продиктована желанием в качестве его эквивалента получить *құт* Высших сил.

2.3. Обмен и дарение в казахском обычае гостеприимства *қонақасы*. Одной из форм ритуального обмена между живыми и духами предков является казахский обычай гостеприимства. Сутью мифологической основы института гостеприимства может быть признана константность все тех же анимистических представлений в этническом сознании казахского народа. Влияние Великого Первопредка (Алаш, Кыдыр), отошедшего в мир иной, но дух которого постоянно присутствует среди живых, объяснялось тем, что в традиционной культуре казахов отдельному индивиду важно было ощущать себя членом семьи, рода, этноса. В казахской степи хозяин всегда мог оказаться в роли гостя и, наоборот, гость – хозяином. В этом заключается равноправие двух сторон.

Гостеприимство представляет собой сложный вариант социального обмена, одновременно обслуживающего три стороны: хозяин/гость – гость/хозяин – дух предка. Постановкой служило гостеприимство, которое давало гостю кров, пищу и т.п., а духу предка – умиловление, состоящее в точном исполнении всего объема услуг, подразумевавших традиционное гостеприимство, за что он ниспосылал *құт*.

Анализ отношений между донорами и реципиентами ритуального обмена показал присутствие двух прямо противоположных направлений – Жертвоприношений от людей к миру духов и Ниспосланий из мира духов в мир людей. Иницилируемые людьми отношения основывались на анимистических представлениях, исходящих из синкретизма природного и социального. Мы определили их как вертикальный тип коммуникации между бытием и инобытием.

Поклонения предкам, проявление почтения к ним выражалось в исправном исполнении обычая гостеприимства *қонақасы*. В основе обычая лежат анимистические представления и мифоритуальная традиция, что позволяет нам сделать заключение – казахский обычай гостеприимства есть вид жертвоприношения во имя предков. Его важнейшими функциями выступают духовная, регулятивная, этическая, и, наконец, практическая.

Ритуальный обмен у казахов выражается в активных отношениях между бытием и инобытием путем взаимных поставок Жертвоприношений на Ниспослания.

В третьей главе «Социальная и магическая природа дарообмена» рассмотрены социально-магические особенности обмена дарами в брачной обрядности казахов, в рамках функционирования институтов авункулата и побратимства. Ритуальный обмен дарами в рамках брачных, авункулатных и дружеских отношений у казахов был сопряжен с пережитками архаических социальных отношений, генезис которых уходит в глубь веков.

3.1. Брачный обмен дарами. Обмен мужского имущества на женское: калым – приданое. Брачный обмен дарами подразумевал встречное движение собственности двух экзогамных коллективов, поскольку в сборе свадебных даров принимали участие не только родственники, но и родовичи. Обменными элементами свадебного дарообмена выступали:

- *қарғыбау – шегешпан* (ошейник – халат-гвоздь), дары невесте и послу *жаушы*, приехавшему с брачным предложением,
- *киім* – дары сватам,
- *қалың мал – жасау* (калым - приданое).

Традиция давать *киім* берет свое начало с древнетюркской эпохи¹ и демонстрирует устойчивость в сознании народа обычая одаривать противоположную сторону, поскольку данное название сохранилось у казахов только в свадебном дарообмене.

Дарообмен был призван выполнять роль средства в преодолении чуждости двух родовых коллективов.

Основными элементами в свадебном дарообмене казахов выступают *қалың мал* и *жасау* – мужское и женское имущества. Данные элементы в основном разнятся по содержанию: калым (скот), приданое (вещи). Иницируемый стороной жениха обмен требует возмещения калыма на приданое невесты. Данный обмен мог иметь как эквивалентный, так и неэквивалентный характер. Существовала диспропорция между калымом и превышающим его или меньшим по величине приданым. С XIX в. наблюдается нарастание тенденции уменьшения приданого по сравнению с величиной калыма. Последнее обстоятельство дало основание возникновению мнения в исторической науке о купле-продаже девушки.² Исследование брачного обмена дарами, термина *қалың мал*, а также традиционного отношения к дочери в казахской

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. – С.26.

² Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака Средней Азии и Казахстана. Л.,1969. – 239 с. Жакипова А.П. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата., 1971. – 180 с.

семье дает основание автору сделать заключение о том, что приданое является преобразованным калымом. Отношения *алыс-беріс* очень отчетливо реализуются в брачных отношениях казахов. В целом брачный обмен дарами не ограничивался обменом вещами. Обмен вещами приводил в движение социальную символику, обмениваемые дары расценивались как выражение уважения, почтения, благопожелания. Традиционный обмен калыма (*қалың мал*) на приданое (*жасау*) автор определяет как паритетный, связанный с преобразованием мужского имущества в женское. Калым давался в основном скотом, тогда как основным содержанием приданого были вещи, домашняя утварь и т.п.

3.2. Обмен дарами в авункулатных отношениях. Вышедшая замуж дочь сохраняла в казахской семье статус *қыз* (дочь, девушка). Связь с ней осуществлялась в виде оказания ей разного рода помощи и обязательного одаривания ее и ее детей со стороны ее отца и братьев. Отношение к детям женщины (*жиен*) со стороны ее кровных родных (*нағашы*) имело в своей основе архаические представления о тесной близости между ними, восходящие к тюркской эпохе. Как дань близости этих отношений в прошлом существовала традиция дарить дочери/сестре и их детям особые дары: *тәркіндеу сыбағасы, енші, жиенқұрық, көгентұп, көгендік, қырық шұбар тай, қырық серкеш*, функционирующая в измененном виде до сих пор.

В казахском авункулате женщину и ее детей патронировал не только ее брат, но и отец. Патронаж выражался в подношениях, оказании разного рода помощи дочери/сестре и их детям. Брат матери выступал в роли охранителя, оберегающего жизнь племянника, способного магическим путем снять сглаз и ускорить процесс появления его речи, что свидетельствует о более тесной близости отношений между *нағашы* и *жиен* в прошлом. Подношения дочери/сестре и их детям имеют целый ряд специальных символических названий: *тәркіндеу сыбағасы, енші, көгентұп, жиенқұрық, көгендік, қырық шұбар тай, қырық серкеш*. Подношение указанных даров демонстрирует наличие в традиционных общественных связях у казахов пережитков особенного отношения к женщине и ее детям со стороны ее родителя и брата. Данные дары не были эквивалентны и не имели взаимного характера. Женщина, приезжавшая в гости к своим родственникам (*тәркін*), конечно, привозила подарки, но в источниках нет указаний на их ценность и, что самое примечательное, в казахском языке нет названий этих подарков. Отсутствие специфических терминов подарков, привозимых замужней женщиной в родительский дом, взаимности и эквивалентности в авункулатном варианте дарения дает нам основание характеризовать дары ей и ее детям их как редистрибуцию. Одаривание детей дочери/сестры являлось, по всей видимости, уцелевшей частью целого комплекса их экономического обеспечения, исходящего из общественных отношений, возникших в эпоху разложения первобытного общества.

3.3. Дарообмен в традиционном институте тамырства. Традиция обмена дарами особенно устойчиво функционировала между побратимами. Казахский вариант побратимства *тамырство* имел несколько видов: *ақиреттік дос* (букв.

«саванный друг»), *дос-тамыр* (друг-побратим), *қияметтік дос* (дружеские отношения, прошедшие всевозможные испытания), *сүйек-тамыр* (костяной тамыр), *ата-тамыр* (дед-тамыр).

Важнейшим элементом отношений между двумя взрослыми мужчинами был обмен дарами – ежегодный взаимный выбор *қалау* дара *қолқа*. Прежде чем совершить *қалау*, проситель обязан был сначала преподнести подарок хозяину, и только затем говорить о своем желании получить что-либо из собственности хозяина. Такое подношение символизировало как начало новых отношений (opening gift), так принуждало и к отдару (sollicitory gift).

О дружбе, отношениях тесного общения казахи говорят, используя производные термина *сый*, *сыйлау* – почтение, уважение, преподношение, дарение, угощение, *сыйласу* – уважать друг друга, быть в дружеских отношениях с кем-либо. Его синонимами в казахской разговорной речи выступают термины, означающие близкое общение или тесный круг людей: *араласу* (от *аралас* - букв. смесь, смешанный), *араласу-құраласу* – смешиваться, *қарым-қатынаста болу* – быть во взаимоотношениях, в связи, *аралас-құралас* – дать-взять, взаиморасчет, взаимный обмен. Данные термины передают глубокое и недвусмысленное значение содержания дружеских отношений, подразумевающих смешение, перемешивание людей, точнее, перемешивание в перемещаемых вещах частей их сущностей. Казахский вариант побратимства – *тамырство* – основывался на архаических представлениях, в которых перемещение объектов обеспечивало сущностное «перемешивание» его участников. Домогавшийся дружбы индивид первым совершал дароприношение, приглашающее к заключению дружеского союза (sollicitory gift). Отдар становился символическим положительным ответом на такое приглашение. Принимая дар, субъект принимал часть объективированной в предмете сущности, то есть души другого субъекта, и обязывался тем самым отдать ему часть своего «я» в таком же материализованном виде. В архаическую эпоху представители разных родов, находившиеся под покровительством разных тотемов, не могли стать друзьями, не обеспечив предварительно безопасность друг друга путем выполнения обряда заключения дружбы и преподнесения даров. Казахская пословица *Берген перде бұзар* «Приносящий дары срыывает завесу отчуждения» очень точно передает смысл традиции дарения у казахов.

Социально-магическая природа традиции дарения у казахов распространялась из области архаических верований и представлений об обмене как о перемещении частей сущностей/душ его участников в обмениваемых предметах.

В заключение подведены основные итоги проведенного исследования и сформулированы главные выводы диссертационной работы.

Установлен архаизм казахского дарообмена *«алыс-беріс»*, который проявляется, по нашему мнению, в терминах дарения, устойчивых выражениях ментального типа, казахском обычае *ырым* и магических представлениях о приобщении и «перемешивании». Обмен дарами у казахов представляет вертикальный, сложный и горизонтальный типы.

В казахской традиционной культуре обмен дарами выступает как полифункциональное явление, обладающее функциями трансляции, а также регулятивной, этнознаковой и коммуникативной. Все они взаимообусловлены и исходят из генеральной функции – латентной. Ее трудно обнаружить, ее присутствие неявно, но именно она становится предпосылкой реализации обмена дарами. Она инициирует обмен.

Итак, латентная функция – это устранение отчуждения, нейтрализация враждебности и открытость к отношениям сотрудничества, дружбы и сосуществования. Именно в этом, по нашему мнению, состоит ключевой момент обязательности обмена дарами между индивидами и группами. Собственно поэтому традиция дарения имела принудительный и небескорыстный характер. Получив часть сущности субъекта в материальном объекте, и, следовательно, определенный контроль над его жизнью и судьбой, другой субъект, участник договора, обязан был ответить тем же. Людей в архаической и традиционной культуре больше занимала магическая сторона дара как залога доверия и добрых намерений, нежели просто экономический аспект дара, заключенный в его материальной ценности

Исследования традиционных культур в рамках теории обмена перспективны. Обмен в традиционных культурах разных народов являлся средством удовлетворения взаимных интересов разных сторон, способом решения конфликтов. Обмен в современной международной практике берет на себя важные функции в деле удовлетворения заинтересованности сторон в налаживании и упрочении связей. Изучение особенностей этих функций в рамках субэтнического, этнического и межэтнического уровней представляет собой, на наш взгляд, существенно значимую проблему в условиях глобализации. Сохранение традиционной специфики народной культуры, содержащей априори позитивные ментальные установки, включение ее в педагогическую и жизненную практику будет, на наш взгляд, способствовать гармонизации общественного развития.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Сураганова З.К. Место и роль дарения в традиционном институте тамырства у казахов // *Өлкетану - Краеведение. Научно-популярный журнал Павлодарского государ-ственного университета им. С. Торайгырова.* – 2005. – № 1. – С.109–117. – 0,5 п.л.
2. Сураганова З.К. Юридические нормы дарения в казахском обычном праве XIX века // *Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия гуманитарных наук.* – 2005. – Выпуск 1. – № 3 (43). – С.304–308. – 0,3 п.л.
3. Сураганова З.К. Теория обмена в зарубежной и отечественной науке // *САЯСАТ-POLICY. Информационно-аналитический журнал института развития Казахстана.* – 2006. – № 1. С. 62–64. – 0,5 п.л.
4. Сураганова З.К. Аспекты обмена в традиционных брачных отношениях казахов второй половины XIX века // *Вестник Евразийского гуманитарного института.* – 2006. – № 2. – С.11–15. – 0,3 п.л.
5. Сураганова З.К. К этимологии некоторых казахских терминов обмена и даре-

ния // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия историческая. – 2006. – № 1 (40). – С. 131–135. – 0,7 п.л.

6. Сураганова З.К. Основа и функции казахского обычая гостеприимства «қонақасы» // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия историческая. – 2006. – № 2 (41). – С. 175–178. – 0,4 п.л.

7. Сураганова З.К. Магия в основе казахской традиции дележа // Вестник Томского государственного университета. – 2007. № 297. Апрель С.133–135. – 0,4 п.л.